

УДК 94(47)

ЖАЛОБА ДАНЩИКА ЕФИМА 1559 ГОДА И РУССКО-ДАТСКОЕ ПОГРАНИЧЬЕ В ЛАПЛАНДИИ В СЕРЕДИНЕ XVI ВЕКА

© 2019 М.В. Толкачев

Статья поступила в редакцию 28.11.2019

В статье рассматривается форма русско-датского пограничья в Лапландии в середине XVI века; указываются основные противоречия и проблемные вопросы в рамках отечественной и зарубежной историографии; на основе различных документов предпринимается попытка установить примерную конфигурацию и форму русско-датского северного пограничья.

Ключевые слова: русско-датские отношения, лопари, Лапландия, пограничье, граница, дань, договор.

Соседство России с Данией-Норвегией в Лапландии¹ связано с долгой и весьма насыщенной историей, в ходе которой пересекались и соединялись самым необычайным образом судьбы совершенно различных по происхождению и культуре стран и народов. Начав формироваться в рамках новгородско-норвежских взаимоотношений, русско-норвежское пограничье перешло в сферу интересов Московского государства после присоединения Великого Новгорода к Москве в конце XV века. Положение Норвежского королевства также серьезно менялось с течением времени. К концу XIV века Норвегия вошла в унию с Данией и Швецией, а после того, как Швеция в 1523 году вышла из унии, Норвегия продолжала оставаться частью Датско-Норвежского объединенного королевства, находившегося под властью датских королей. Постепенно Норвегия утратила значительную часть своей автономии, превратившись в датскую провинцию. Таким образом, северное соседство, складывавшееся ранее между норвежцами и новгородцами, а также судьба коренного населения Лапландии оказались в руках Москвы и Копенгагена, часть лапландцев находилась в сфере интересов Шведского государства.

Толкачев Михаил Васильевич, кандидат исторических наук. E-mail: hermest85@mail.ru

Новгородско-норвежское и русско-датское пограничье в Лапландии являлось в той или иной степени предметом изучения для нескольких поколений исследователей. Вместе с тем вопросы, связанные с прошлым этого пограничья, до сего дня содержат немало серьезных противоречий, вызывающих жаркие споры среди исследователей из разных стран. Относительно рассматриваемого в настоящей статье периода для нас по сей день остается до конца неясным, какова была форма лапландского пограничья, где именно проходили границы, каким образом администрации пограничных государств осуществляли взаимодействие по тем или иным вопросам. В историографии высказываются различные точки зрения относительно формы русско-норвежского и русско-датского пограничья в Лапландии в рассматриваемое нами время. Первая точка зрения гласит о том, что в Лапландии существовала единая государственная граница, разделявшая интересы между русскими людьми с одной стороны и норвежцами (позднее с датчанами) с другой стороны. К числу исследователей, отстаивавших эту точку зрения, относился советский и российский исследователь Игорь Павлович Шаскольский, считавший, что государственная граница была огово-

рена уже в XIV веке в ходе мирных переговоров между Новгородом и Норвегией, состоявшихся в 1326 году. До 1326 года, по мнению историка, в Лапландии существовал общий округ по сбору дани с местного населения, границы которого ранее были оговорены новгородцами и норвежцами, однако с течением времени такая форма пограничья устарела. В 1326 году, по мнению И.П. Шаскольского, была установлена русско-норвежская государственная граница в районе Варангер-фьорда (Варяжский залив, Варенский залив, см. карту в приложениях), которая в дальнейшем разделяла государственные интересы сторон². Вместе с тем, учитывая факт двойного обложения данью местных лопарей-саамов, в одной из работ, опубликованных под авторством И.П. Шаскольского, В.Е. Возгрин и Т.А. Шрадер, сказано, что в Лапландии уплата дани не совпадала с подданством³; это, по-видимому, означает признание того факта, что лапландское пограничье было организовано несколько сложнее, чем просто территория с единой государственной границей. Вторая точка зрения гласит о том, что в рассматриваемое нами время, а также в предшествующую эпоху в Лапландии не было единой государственной русско-норвежской или русско-датской границы. Вместо единой границы существовал общий налогооблагаемый округ со своими рубежами. К числу ученых, отстаивающих эту точку зрения, относится современный датский исследователь Джон Х. Линд, который категорически отвергает точку зрения И.П. Шаскольского относительно существования в лапландском пограничье единой государственной границы. Дж. Х. Линд считает, что в 1326 году новгородцы и норвежцы договорились не о единой государственной границе, а о рубежах общего налогооблагаемого дистрикта, и такая форма пограничья, по мнению исследователя, продолжала существовать на протяжении последующих веков⁴. Современный российский историк Павел Викторович Федоров также отмечает, что точка зрения о появлении единой

государственной границы в Лапландии в столь ранний период не может быть принята без критики, поскольку не следует относить спорные северные территории того времени к безраздельному владению одной из сторон⁵. Наконец, третья точка зрения гласит, что в Лапландии одновременно существовал общий налогооблагаемый округ и единая государственная граница. О возможности подобной конфигурации пограничья упоминал отечественный исследователь и знаток истории Кольского Севера Иван Федорович Ушаков. В своих работах И.Ф. Ушаков высказывал мысль, что в 1326 году, вероятно, произошло разграничение преобладающих интересов Новгорода и Норвегии в Лапландии, в то же время общий округ по сбору дани продолжал существовать на территории лапландских земель⁶. К похожему выводу в результате научных изысканий пришел современный датский исследователь Карсте Папе. Вместе с тем К. Папе не просто высказал мнение об одновременном сосуществовании единой государственной границы и общего округа, датский исследователь придал этой версии вид четкой и обстоятельной концепции. Примечательно, что К. Папе разработал свою концепцию о двойной системе границ, основываясь не только и не столько на новгородско-норвежском договоре 1326 года, как это делали исследователи до него, а рассмотрев более поздний международный договор, заключенный между Московским государством и Данией в 1493 году. Исследуя русско-датский договор 1493 года (этот договор дважды подтверждался в начале XVI века), К. Папе пришел к выводу, что в нем оговаривалась единая государственная граница, разделявшая владения датского короля и московского государя в Лапландии. В месте с тем К. Папе находит несколько фактов, указывающих на то, что в регионе продолжал существовать общий округ по сбору дани. Таким образом, по мнению К. Папе, в русско-датском пограничье в Лапландии сложилась двойная система границ, состоявшая из государственной «политической»

границы и из рубежей общего налогооблагаемого дистрикта, определявших пределы сбора дани обеими сторонами. При этом К. Папе допускает, что подобная двойная система границ, вероятнее всего, перешла в сферу русско-датских отношений «по наследству» от новгородско-норвежских взаимоотношений⁷. Современный норвежский исследователь Ларс Ивар Хансен, проведя исследование податной системы, сложившейся внутри общего округа, подтверждает точку зрения К. Папе о существовании в лапландском русско-датском пограничье двойной системы границ⁸.

Для исследования русско-датских отношений доступен разнообразный комплекс источников в неопубликованном и опубликованном формате. В распоряжении исследователей находятся русско-датские договоры, переписка русских государей с датскими королями, различная дипломатическая документация и другие категории документов. Весьма специфическую категорию актов, относящихся к истории русско-датских отношений в Лапландии, составляют жалобы разных людей (лопарей, сборщиков дани), находившихся непосредственно на территории русско-датского пограничья на Севере. Эти жалобы составлялись на имя русских государей или датских королей с просьбой решить те или иные насущные проблемы, беспокоившие местных жителей. Несколько таких жалоб были опубликованы в числе прочих документов в рамках обширного собрания русских актов Копенгагенского государственного архива, собранных дореволюционным исследователем и первым секретарем российской миссии в Копенгагене Ю.Н. Щербачевым. Особое внимание обращает на себя жалоба сборщика дани Ефима Онисимова сына, составленная в середине XVI века⁹. Определенно, этот небольшой по объему документ, содержащий крайне важные сведения для понимания формы и конфигурации русско-датского пограничья в XVI веке, заслуживает отдельного рассмотрения. Задача, решаемая в рамках настоящей работы, состоит в

том, чтобы на основе вышеназванной жалобы данщика Ефима попытаться определить хотя бы примерные очертания конфигурации русско-датского пограничья в Лапландии и, соответственно, попытаться понять, какая из трех высказывающихся в историографии точек зрения наиболее близка к истине. Для большего удобства в качестве приложения к настоящей статье опубликован текст упомянутой жалобы. Также в качестве другого приложения к настоящей работе прилагается карта, на которой нанесены Кольский полуостров и северная часть Скандинавии.

Для начала необходимо сказать несколько слов о тенденциях, происходивших в развитии русско-датских дипломатических отношений в то время, когда была составлена жалоба данщика Ефима Онисимова сына. Эта жалоба была подготовлена специально к прибытию в Россию датского посольства, во главе которого стоял государственный советник Клаус Урне и другие высокопоставленные лица. Посольство прибыло в Москву весной 1559 года. Основная тематика переговоров находилась вдали от Лапландии – стороны вели переговоры о разделении Эстляндии в связи с начавшейся Ливонской войной¹⁰. Тогда русская и датская стороны не стали концентрировать много внимания на лапландской тематике, сосредоточившись главным образом на эстляндском вопросе, переговоры по поводу которого проходили весьма непросто. Тем не менее лапландская тематика оказывала некоторое влияние на положение дел в Ливонии. Датский исследователь Микаэль Венге отмечает, что правительство Дании вынуждено было вести более осторожную политику в Прибалтике, опасаясь наравне с прочим нападения России на Норвегию¹¹. Здесь следует отметить, что упомянутая нами жалоба сборщика дани являлась сигналом о наличии конкретных предпосылок, которые могли привести к серьезному территориальному спору в лапландском пограничье (что и случилось спустя пару десятилетий, когда в русско-датских ди-

пломатических отношениях разгорелся Лапландский вопрос).

Теперь перейдем к детальному рассмотрению жалобы данщика Ефима от 1559 года. При рассмотрении этого документа в интересующей нас плоскости можно сформулировать два основных пункта, дающих некоторое представление о форме и конфигурации русско-датского пограничья в Лапландии.

Пункт 1. Единая граница между владениями русского государя и датского короля. В рамках этого пункта можно отметить несколько моментов:

- В самом начале жалобы данщик упомянул о некотором рубеже датского короля: «... твое царево дела твое государево данщицишко лопское Мурманского моря, датцкого короля рубежа, Ефимко Онисимово сынишко»¹². Исходя из общего содержания грамоты можно отметить, что данщик Ефим находился в районе Варенского залива поблизости от «датцкого короля рубежа». В своей жалобе данщик обратился к царю с просьбой потребовать от датчан дозволения о свободном пропуске государевых людей для промысла на территорию западнее Варенского залива¹³. Таким образом, данщик Ефим свидетельствует о наличии некой границы в районе Варенского залива, за которой начинаются территории, в той или иной степени контролируемые датской администрацией. Вместе с тем из приведенного выше отрывка неясно, где конкретно располагалась эта граница и какую функцию она выполняла. Попробуем уточнить эти моменты при дальнейшем рассмотрении документа.

- Далее в жалобе данщик Ефим упомянул о том, что в Варенском заливе есть река под названием Полная. Сборщик дани отметил, что половина этой реки на момент написания жалобы была занята немцами (имеется в виду датчанами): «Есть, государь, в твоей государеве отчине на Мурманском море, в Варенской губе, река, рыбная ловля, а имя ей Полная река. И ту, государь, Полную реку прежь сего ловили лопляне Варенские воло-

сти ... А нынеча, государь, датцкого короля немцы тое реки половину за себя отняли»¹⁴. Возможно, этот фрагмент документа свидетельствует о том, что на момент составления жалобы граница проходила по той самой Полной реке, впадающей в Варенский залив. Однако для подтверждения этого предположения нам нужно обратиться к какому-либо другому документу, относящемуся к русско-датским отношениям. Здесь необходимо отметить, что свидетельство данщика о Полной реке подтверждается русско-датской дипломатической перепиской немного более позднего времени. Спустя четверть века после составления рассматриваемой нами жалобы царь Федор Иоаннович в ответ на претензии датчан относительно Лапландии писал королю Фредерику II о том, что граница между Россией и Датско-Норвежским государством в лапландских землях в соответствии с достигнутыми ранее договоренностями должна проходить между принадлежащим датской стороне городом Варгавом (Вардехус, Варде) и русским поселением Кола (см. карту в приложениях) по реке Полной в районе Варенского залива: «А рубеж был изначала меж наших (в акте РГАДА вместо «наших» написано «государевых». – прим. М.Т.) людей, которые живут в Коле и по иным местам, и которые люди твои (в акте РГАДА вместо «твои» написано «королевские», стоит перед «люди». – прим. М.Т.) живут в городе в Варгаве, и межа меж их была река Полная»¹⁵. Вместе с тем нельзя не обратить внимания на указанные нами ранее слова данщика Ефима, в соответствии с которыми складывается впечатление, что датчане заняли половину реки Полной в недавнем времени: «А нынеча, государь, датцкого короля немцы тое реки половину за себя отняли». Эти слова могут говорить о том, что линия границы корректировалась на местности в пределах одного района (в нашем случае – района, прилегающего к Варенскому заливу) и фиксировалась непосредственно на месте. Заметим, что датчане, судя по свидетельству русского данщика, пытались двигать эту границу в

сторону Русского государства. Для большего понимания было бы желательно идентифицировать реку Полную с каким-либо современным географическим объектом, но здесь мы сталкиваемся с определенной проблемой. Дело в том, что на данный момент мы не можем с полной точностью соотнести упоминаемую в рассматриваемых нами документах реку Полную с какой-либо из современных рек. Датский историк Дж. Х. Линд считает, что соотнести Полную реку с какой-либо реальной рекой вообще невозможно, поскольку название «Полная река» использовалось в русских документах в качестве неких общих обозначений для разных водных географических объектов, располагавшихся в различных районах, прилегавших к морям Северного Ледовитого океана, а также располагавшихся на территории современной Финляндии. В связи с этим Дж. Х. Линд предполагает, что название «Полная река» могло применяться по отношению к целой водной системе, которая в нашем понимании термина собственно рекой не является¹⁶. Принимая во внимание предположение Дж. Х. Линда, а также учитывая содержащиеся в рассмотренных выше документах упоминания о реке Полной, на данный момент мы можем для себя отметить лишь то, что рассматриваемая нами граница располагалась в окрестностях Варангер-фьорда (Варенский залив). Более точное месторасположение линии границы, основываясь на рассматриваемых нами материалах, определить сложно. Здесь нужно сказать, что помимо определения месторасположения границы не менее важным является вопрос, относящийся к ее назначению. Ответ на этот вопрос необходим для понимания формы русско-датского пограничья, сложившейся к середине XVI века. На основании вышерассмотренных материалов у нас складывается впечатление, что граница, о которой идет речь, являлась той самой единой «политической» границей, разделявшей основные интересы и полномочия Русского государства и Датско-Норвежского королевства. Однако для

подтверждения этого предположения необходимо более подробно рассмотреть еще один момент, упомянутый в жалобе данщика Ефима.

- В жалобе сборщика дани сказано о городке Варгав, через который датчане не пропускали государевых людей: «Да у тех жо, государь, датцких немец приездной городок Варггав на волоке стоит на море на острову, и мимо, государь, тот свой городок не пропускают те немцы твоих государевых всяких людей в судах в малых и в лодьях на Теную реку промышляти»¹⁷. Варгав (Вардехус, совр. Варде) – небольшой городок на острове у северной стороны Варангер-фьорда (Варенский залив). Варде является одним из старейших норвежских поселений (первая церковь в этом поселении была построена в 1307 году), основанных на рубеже с русскими владениями в Лапландии. С самого своего основания одним из основных предназначений этого северного городка являлось сдерживание русского влияния на Крайнем Севере¹⁸. Во времена Датско-Норвежского государства эта функция Варгава продолжала играть важную роль в жизни города. В Варгаве находилась датская администрация, осуществлявшая пограничный контроль и управление прилегающими территориями. Использование Варгава в качестве датского пограничного пункта достаточно отчетливо подтверждается русско-датской договорной практикой, существовавшей в рассматриваемое нами время. В августе 1562 года царь Иван IV Грозный и король Дании-Норвегии Фредерик II заключили мирный договор, содержавший наравне с прочим некоторые условия, относившиеся к русско-датской границе в Лапландии: «А которые наши, Божию милостию, царевы и великого государя земли порубежные сошлись с Фредериковыми королевскими землями, з городом Варгавом и с иными месты, ино рубеж ведати на обе стороны по старине...»¹⁹. В этом фрагменте договора присутствует четкое разделение русских земель, принадлежавших царю Ивану IV, от тер-

ритории Дании-Норвегии, находившейся под контролем датского короля Фредерика II. Сама формулировка приведенной выше статьи договора, провозглашающей о том, что земли пограничных государств сошлись друг с другом у города Варгава, а также упоминание рубежа в единственном числе («рубеж ведати») позволяет утверждать, что в русско-датском договоре 1562 года шла речь о единой русско-датской границе. Здесь необходимо обратить внимание на еще одну деталь. Статьи договора 1562 года, относившиеся к Лапландии, обозначены весьма лаконично. Статьи, относившиеся, скажем, к Эстляндии, разделение интересов в которой сопровождалось большими спорами, в русско-датском договоре расписаны значительно подробнее с предельно четким обозначением большого количества географических объектов, в числе которых были не только города, но и небольшие села, монастыри, дворы, реки и прочие объекты. Этот факт наводит на мысль о том, что по сравнению с Эстляндией, разграничение сфер интересов в которой проходило как раз во время переговоров в 1562 году, лапландская тематика не вызывала столь жарких споров на дипломатическом уровне, выбранная формулировка русско-датской границы, проходившей у города Варгава, скорее всего, была не нова и не вызывала каких-либо протестов со стороны Дании или России.

Исходя из вышесказанного можно утверждать, что в русско-датском лапландском пограничье существовала единая граница, разделявшая территории Русского государства и Датско-Норвежского королевства. На дипломатическом уровне общения между правительствами и главами государств стороны ограничивались указанием примерного месторасположения этой границы, в то время как точная линия, разграничивавшая территории двух государств, была известна на местах и, судя по всему, могла корректироваться в пределах одного района. Содержало ли лапландское пограничье какие-либо еще формы разгра-

ничения интересов? На этот вопрос мы постараемся ответить далее.

Пункт 2. Общий налогооблагаемый округ. В рамках этого пункта можно выделить несколько моментов:

- В рассматриваемой нами жалобе сборщик дани Ефим упоминает еще один рубеж с Данией, проходивший по реке Ивгей: «... твои, государь, данщики ходят дани брати за Теную реку и до Ивгея, до твоей, государь, русские межи тысячю верст, которая межа з датским королем»²⁰. В отличие от Полной реки, упомянутой нами выше, мы можем достаточно точно идентифицировать реку Ивгей (см. реку Ивгей на карте в приложениях). Эта река на современных картах обозначена как Ivgojohka (на картах Google) или Skibotnelva (на картах Яндекс). Ивгей-река впадает в Люнгенфьорд, расположенный на севере Норвегии неподалеку от города Тромсе (см. карту в приложениях). Теную реку следует соотносить с рекой Тана (Танаэльв), протекающей немного западнее Варангер-фьорда (Варенский залив) и значительно восточнее от Ивгей реки, то есть на пространстве между Варенским заливом и рекой Ивгей на значительно большей дистанции от последней. Примечательно, что русский сборщик дани назвал Теную реку, протекающую за Варенским заливом, государевой отчиной²¹. Но как государева отчина могла располагаться западнее Варенского залива на территории, находившейся под преимущественным контролем датского короля? Датчане использовали свое название для обозначения этих территорий – Финнмарк. По мнению данщика Ефима, царь обладал в Финнмарке определенными правами. Но какими? Ответ на этот вопрос кроется в функции, которую выполнял рубеж, располагавшийся на реке Ивгей. Данщик Ефим в своей жалобе достаточно четко указал нам о назначении данного рубежа, упомянув, что до реки Ивгей ходили русские сборщики дани. Данная информация, хотя и с некоторыми оговорками, но подтверждается дипломатической документа-

цией более позднего периода. В ответном для находившихся в Москве датских послов извещении от 17 марта 1598 года по поводу реки Ивгей сказано следующее: «И за тое реку Ивгей великого государя царя и великого князя Бориса Федоровича, всеа Русии самодержца, данщики ходят верст з двесте и болши и дань емлют с лопарей...»²². Таким образом, река Ивгей являлась своеобразным западным ориентиром для полномочий русских сборщиков дани. Разница в том, что данщик Ефим упомянул о распространении полномочий царских данщиков до реки Ивгей, а ответное извещение от 1598 года распространяло действие государевых сборщиков дани на некоторое отдаление от реки Ивгей в сторону Норвегии. Различия могут объясняться либо разницей во времени составления документов (что-то могло измениться), либо дипломатическим маневром в рамках русско-датских переговоров, проходивших в конце XVI века, когда требовалось выработать более жесткую позицию по лапландскому вопросу в ответ на претензии датчан на Кольский полуостров. В любом случае для нас важно наличие в документах упоминания конкретного рубежа-ориентира, показывающего западные пределы полномочий русской стороны по сбору податей с лопарей. Таким образом, мы уже можем зафиксировать примерные очертания конфигурации русско-датского пограничья в Лапландии: в районе Варенского залива находилась единая русско-датская «политическая» граница, разделявшая основные полномочия соседних государств, а к западу от Варенского залива, то есть на территории, находившейся под преимущественным владением Датско-Норвежского государства, в районе реки Ивгей и Лунген-фьорда находился западный рубеж, до которого доходили русские сборщики дани. Схожая конфигурация упоминается в дипломатической документации в связи с направлением в 1586 году русских послов в Лапландию на переговоры с датскими уполномоченными для разрешения

спорных вопросов, существовавших в датско-русском пограничье. В инструкциях для русских послов в качестве одного из вариантов относительно ведения переговоров указано: «по договору з дацкими послы положить в Лопской земле рубеж меж Малмиюса, то есть Колы волости, и меж Варгава река Полная, а с норвежкою землею рубеж лопской земли стариной Ивгой»²³. Нетрудно предположить, что на территории до Ивгей-реки, находившейся под преимущественным контролем Дании, датская сторона также собирала дань с лопарей. Таким образом, мы можем уже на данном этапе рассмотрения жалобы данщика Ефима предположить о существовании в Лапландии общего русско-датского налогооблагаемого округа в тех или иных пределах.

- Рассматриваемая нами жалоба русско-го сборщика дани не содержит какой-либо информации о восточных рубежах общего округа, до которых могли ходить датские данщики. Мы можем почерпнуть из жалобы лишь то, что «лопляне Варенские волости» точно попадали под действие общего округа²⁴. Упомянутая нами инструкция 1586 года для русских послов, направлявшихся в Колу, также не содержит каких-либо упоминаний относительно установления восточного рубежа общего налогооблагаемого округа. При этом разбег между датскими интересами и интересами русской стороны по поводу пределов общего округа был значительный. Так, в 1585 году, когда Лапландский спор был в разгаре, царь Федор Иоаннович не желал признавать за датчанами право сбора дани с Кольского Севера, указывая в своих грамотах на то, что датчане собирают дань с лопарей Кольского полуострова вопреки прежним обычаям²⁵. Мы с уверенностью можем сказать, что по крайней мере в последние десятилетия XVI века датские сборщики дани точно собирали дань с лопарей Кольского полуострова²⁶, и русская часть Лапландии, таким образом, была вовлечена в общий русско-датский налогооблагаемый округ, из чего следу-

ет, что восточный рубеж русско-датского округа находился на территории Кольского полуострова. Вместе с тем на данный момент достаточно сложно судить о том, насколько Кольский полуостров был вовлечен в действие общего налогооблагаемого округа в остальные периоды XVI века. Этот вопрос, определенно, требует отдельного обстоятельного исследования. На данный момент мы ограничимся предположением, что Кольский полуостров был вовлечен в систему сбора податей обеими сторонами в разное время в разной степени.

- Сборщик дани Ефим отметил в своей жалобе, что варенские лопари выплачивали дань русскому государю, датскому королю и шведскому королю. Таким образом, в русско-датский округ вклинивались интересы Швеции, имевшей весьма непростые отношения как с Данией, так и с Россией. Однако данщик Ефим в своей жалобе попросил царя ввести запрет на сбор дани с варенских лопарей только для датчан²⁷. В рамках функционирования общего налогооблагаемого округа и в вопросах взимания дани это может указывать на более глубокие противоречия во взаимоотношениях России именно с Данией. Данщик Ефим написал в своей жалобе следующие строки об условиях выплаты дани варенскими лопарями: «и прикажи, государь, тем датцким немцам, чтоб лопляном не потакали, твоя б государева дань сысполна выходила: в Варенской, государь, волости лопляне твоей государевы дане четыре луки ежегодно не додают, а отнимаютца, государь, теми датцкими немцами; а на нас, государь, твои государевы казначеи твою государеву дань по книгам сполна емлют»²⁸. Таким образом, выплачивавшаяся лопарями дань делилась между сторонами: часть взимаемых податей уходила датской стороне, часть дани забирали русские сборщики. Данщик Ефим недвусмысленно намекал на то, что такая система взимания податей была не очень выгодна для государевой казны, в связи с чем просил царя ввести запрет для датчан

на взимание податей с лопарей. Со временем разделение взимаемой дани в пределах общего налогооблагаемого округа станет для России и Дании серьезным раздражающим фактором, который наравне с прочими факторами приведет к крупному территориальному спору.

Исходя из вышерассмотренного материала можно утверждать, что в середине XVI века в русско-датском лапландском пограничье существовал общий налогооблагаемый округ, позволявший в тех или иных пределах собирать дань с лопарей более чем одной стороне. Этот округ сосуществовал одновременно с единой границей, разделявшей преобладающие политические полномочия датского короля и русского государя. Основываясь на этом наблюдении, мы склонны считать более обоснованной точку зрения, в соответствии с которой в Лапландии существовала двойная система границ, состоявшая из единой русско-датской границы и рубежей общего налогооблагаемого лапландского округа. Здесь нам хотелось бы отметить, что это была система пограничья, состоявшая именно из двух разных типов границ: единая граница в районе Варенгского залива разделяла преобладающие «политические» полномочия сторон, а рубежи общего податного округа являлись ориентиром, до которого могли доходить русские и датские сборщики дани. Таким образом, даже если предположить, что один из рубежей общего налогооблагаемого округа вдруг совпал бы с русско-датской единой границей, то в этом случае все равно необходимо было бы говорить о двух разных типах границ. В этом случае один из рубежей общего округа сосуществовал бы в одном месте и в одно время с единой границей (такая система граница+рубеж пресекала бы все полномочия одной из сторон), а второй рубеж округа по-прежнему продолжал бы являться ориентиром, ограничивающим территорию, на которой другая сторона могла собирать дань.

Приложение 1.
1559 г., прежде 12 апреля.
Жалоба на датчан, стесняющих рыбный промысел на Мурманском море.

Царю государю великому князю Ивану Васильевичю всеа Руси бьет челом и возвещает твое цареве дела твое государево данщицишко лопское Мурманского моря, датцкого короля рубежа, Ефимко Онисимово сынишко. Есть, государь, в твоей государеве отчине на Мурманском море, в Варенской губе, река, рыбная ловля, а имя ей Полная река. И ту, государь, Полную реку прежь сего ловили лопляне Варенские волости, а тебе, государь, те лопляне дань дают, и датцкому королю, и свейскому королю. А нынеча, государь, датцкого короля немцы тое реки половину за себя отняли. Да у тех жо, государь, датцких немец приездной городок Варггав на волоке стоит на море на острову, и мимо, государь, тот свой городок не пропускают те немцы твоих государевых всяких людей в судех в малых и в лодьях на Теную реку промышляти. А та, государь, Теная река твоя государева отчина, а той, государь, реки Теной устия впало в моря за их городок за Варгав. А в той, государь, реке рыбная ловля и жемчюг. А по левую, государь, сторону, по суше, по волокам, твои, государь, данщики ходят дани брати за Теную реку и до Ивгея, до твоей, государь, русские межы тысячю верст, которая межа з датцким королем. Милостивый царь госу-

дарь, покажи милость, вели, государь, пропущати своих государевых людей мимо их городок Варгав в судех и в лодьях з запасом на Теную реку промышляти, рыбу ловити и жемчюгу копати, занеже, государь, по левой руке сушею по волоком запасу проводити не мочно; и прикажи, государь, тем датцким немцам, чтоб лопляном не потакали, твоя б государева дань сысполна выходила: в Варенской, государь, волости лопляне твоей государевы дане четыре луки ежегодно не додают, а отнимаютца, государь, теми датцкими немцами; а на нас, государь, твои государевы казначеи твою государеву дань по книгам сполна емлют. Православный царь государь, покажи милость, прикажи тем датцким немцам, чтоб в тех лоплян не вступались, а твоя б государева дань сысполна выходила. А тех, государь, датцких немец у тебя государя здесь на Москве посол. Царь государь, князь велики, смилуйся.

Писана на столбце. На обороте:
«Norwedische gebrechen. Mosqua. 12 Aprilis anno 59».

Текст документа воспроизведен в соответствии с: Русские акты Копенгагенского государственного архива, извлеченные Ю.Н. Щербачевым. Акт № 17. Жалоба на датчан, стесняющих рыбный промысел на Мурманском море, 1559 г. // Русская историческая библиотека. Т. 16. СПб.: Товарищество «Печатня С.П. Яковлева», 1897. Столб. 51-54.

Приложение 2. Карта Лапландии.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Лапландия (в широком смысле) – обширный историко-географический и культурный регион на территории Кольского полуострова и северной части Скандинавии. Лапландия являлась исконной территорией проживания для лопарей (саамов); располагалась на территории северных регионов современных Норвегии, Швеции, Финляндии и России (Кольский полуостров, Мурманская область).
- ² Шаскольский И.П. Договоры Новгорода с Норвегией // Исторические записки. М., 1945. Т. 14. С. 54-55; Он же. Экономические связи России с Данией и Норвегией в IX-XVII вв. // Исторические связи Скандинавии и России, IX-XX вв. Л., 1970. С. 47.
- ³ Шаскольский И.П., Возгрин В.Е., Шрадер Т.А. Грамоты великого князя Василия III сборщикам дани в Лопской земле // Проблемы истории России и стран Северной Европы: от Средних веков до наших дней (к 90-летию со дня рождения И.П. Шаскольского). СПб., 2009. С. 42.
- ⁴ Линд Дж. Х. «Разграничительная грамота» и новгородско-норвежские договоры 1251 и 1326 гг. // Новгородский исторический сборник. СПб., 1997. № 6 (16). С. 141-143; Lind J. The Tsar's Patrimony and the Duplication of Vardø-Vargav (Borders at the Arctic Ocean and Levels

of Information in the Late Middle Ages and Early Modern Times) // Норна у источника Судьбы: Сборник статей в честь Елены Александровны Мельниковой. М., 2001. С. 245.

- ⁵ Федоров П.В. О появлении русского рубежа в Лапландии (по следам одной дискуссии) // Арктика и Север. 2017. № 26. С. 60.
- ⁶ Ушаков И.Ф. Кольская земля. Очерки истории Мурманской области в дооктябрьский период. Мурманск, 1972. С. 28.
- ⁷ Pape C. Three Forgotten Border Treaties: Implications for Our Understanding of the Medieval Russian-Norwegian Frontier // Russia and Norway: Physical and Symbolic Borders / Ed. by Tatjana N. Jackson and Jens Petter Nielsen. Moscow, 2005. P. 29-39.
- ⁸ Hansen L.I. The Overlapping Taxation Areas of the North and the Nature of the Russian-Norwegian Border in Medieval and Early Modern Times // Russia and Norway: Physical and Symbolic Borders / Ed. by Tatjana N. Jackson and Jens Petter Nielsen. Moscow, 2005. P. 58.
- ⁹ Русские акты Копенгагенского государственного архива, извлеченные Ю.Н. Щербачевым (далее – Русские акты / Собр. Ю.Н. Щербачев). Акт № 17. Жалоба на датчан, стесняющих рыбный промысел на Мурманском море, 1559 г. // Русская историческая библиотека (далее – РИБ). Т. 16. СПб., 1897. Столб. 51-54.

- ¹⁰ Венге М. Копенгагенский трактат 1493 года и датско-русские связи в XVI веке // Дания и Россия – 500 лет / Под ред. Л.П. Поульсена-Хансена; пер. с дат. М. Тюриной. М., 1996. С. 24.
- ¹¹ Там же. С. 24.
- ¹² Русские акты / Собр. Ю.Н. Щербачев. Акт № 17, 1559 г. // РИБ. Т. 16. СПб., 1897. Столб. 52-53.
- ¹³ Там же. Столб. 53-54.
- ¹⁴ Там же. Столб. 53.
- ¹⁵ Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 53. Сношения России с Данией. Оп. 1. (1516-1719 гг.). Д. 2, 1578. Выписка из датских посольств о посылке на съезд в Колу межевых судей... Л. 24; Русские акты / Собр. Ю.Н. Щербачев. Акт № 55 (№ 56 по оглавлению). Царская грамота датскому королю Фредерику II, август 1585 г. // РИБ. Т. 16. СПб., 1897. Столб. 222.
- ¹⁶ Линд Дж. Х. Религиозно-политические предпосылки «Рукописания короля швейцарского Магнуша» по шведским и русским источникам // Древнейшие государства Восточной Европы: 1999 г.; Восточная и Северная Европа в средневековье. М., 2001. С. 220-222.
- ¹⁷ Русские акты / Собр. Ю.Н. Щербачев. Акт № 17, 1559 г. // РИБ. Т. 16. СПб., 1897. Столб. 53.
- ¹⁸ Niemi Einar. Finnmark County // Encyclopedia of The Barents Region. Vol. 1. (A-M) / Editor-in-chief Mats-Olov Olsson. Oslo, 2016. P. 234.
- ¹⁹ Русские акты / Собр. Ю.Н. Щербачев. Акт № 20. Договорная грамота царя Ивана Васильевича с датским королем Фредериком II, 7 августа 1562 г. // РИБ. Т. 16. СПб., 1897. Столб. 70.
- ²⁰ Русские акты / Собр. Ю.Н. Щербачев. Акт № 17, 1559 г. // РИБ. Т. 16. СПб., 1897. Столб. 53-54.
- ²¹ Там же. Столб. 53.
- ²² Русские акты / Собр. Ю.Н. Щербачев. Акт № 75. Ответное извещение бывшим в Москве датским послам..., 17 марта 1598 г. // РИБ. Т. 16. СПб., 1897. Столб. 326.
- ²³ РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Д. 2, 1578. Л. 44-45.
- ²⁴ Русские акты / Собр. Ю.Н. Щербачев. Акт № 17, 1559 г. // РИБ. Т. 16. СПб., 1897. Столб. 53-54.
- ²⁵ РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Д. 2, 1578. Л. 20-23; Русские акты / Собр. Ю.Н. Щербачев. Акт № 55 (№ 56 по оглавлению), август 1585 г. // РИБ. Т. 16. СПб., 1897. Столб. 221.
- ²⁶ См. об этом: Документ № 27. «Роспись лопарским погостам», 1623-24 г. // Сборник материалов по истории Кольского полуострова в XVI-XVII вв. Л., 1930. С. 55-64.
- ²⁷ Русские акты / Собр. Ю.Н. Щербачев. Акт № 17, 1559 г. // РИБ. Т. 16. СПб., 1897. Столб. 53-54.
- ²⁸ Там же. Столб. 54.

**THE TAX COLLECTOR EFIM'S COMPLAINT OF THE 1559,
AND THE RUSSIAN-DANISH LAPLAND BORDERLAND
IN THE MIDDLE OF THE 16th CENTURY**

© 2019 M.V. Tolkachev

The article is devoted to the study of the forms of Russian-Danish borderland in Lapland in the middle of the 16th century; the author reveals the main contradictions and disputable issues in Russian and foreign historiography. On the base of different sources, the author tries to reconstruct configuration of Russian-Danish northern borderland.

Keywords: Russian-Danish relations, Lapps, Lapland, borderland, border, tribute, treaty.